

УДК 327.5

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

**Учет опыта распада СССР в национальной политике Китая
в первой четверти XXI в. (на примере Синьцзян-Уйгурского
автономного района)**

Д. В. Буяров¹, А. Е. Учайкина²

^{1,2}Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия

¹buyarov_d@mail.ru, ²uchnast2001@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Распад Советского Союза стал для Китая не только предметом исторического осмысления, но и концептуальным предостережением. В условиях этнокультурного многообразия и глобальных вызовов китайское руководство использует советский опыт как ориентир при формировании устойчивой модели национальной политики. Цель исследования – проанализировать, каким образом интерпретация причин распада СССР повлияла на стратегию управления национальными меньшинствами в Китае в XXI в. *Материалы и методы.* Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем сравнительно-исторический, дискурсивный и институциональный методы. Используются официальные документы Коммунистической партии Китая, выступления Председателя КНР Си Цзиньпина, нормативные акты КНР, а также научные публикации российских, китайских и англоязычных исследователей. *Результаты.* Установлено, что в китайской политической доктрине распад СССР рассматривается как следствие идеологической эрозии, политической децентрализации и этнокультурного плюрализма. В ответ на это КНР реализует модель «китаизированной» интеграции, сочетающей партийный контроль, идеологическую мобилизацию и правовую нормализацию. Особое внимание уделяется регионам с этноконфессиональной спецификой, где применяются меры упреждающего управления этнической идентичностью. *Выводы.* КНР выстраивает свою национальную политику как институциональную противоположность позднесоветскому опыту. При всей текущей устойчивости модели она содержит внутренние напряжения, связанные с ограничением культурной автономии, что требует внимания к долгосрочным рискам в условиях трансформации глобального порядка.

Ключевые слова: Китай, Советский Союз, национальная политика, национальные меньшинства, идеология, партийный контроль, этнополитическая стабильность, Синьцзян

Для цитирования: Буяров Д. В., Учайкина А. Е. Учет опыта распада СССР в национальной политике Китая в первой четверти XXI в. (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 103–113. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

**Taking into account the experience of the collapse of the USSR
in China's national policy in the first quarter of the 21st century
(by the example of the XUAR)**

D.V. Buyarov¹, A.E. Uchaikina²

^{1,2}Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

¹buyarov_d@mail.ru, ²uchnast2001@mail.ru

Abstract. *Background.* The collapse of the Soviet Union has served not only as a subject of historical reflection for China but also as a conceptual warning. In the context of ethnocultural diversity and global challenges, the Chinese leadership draws on the Soviet experience as a reference point in shaping a resilient model of national policy. The aim of this article is to analyze how the interpretation of the causes behind the USSR's disintegration has influenced China's strategy for governing ethnic minorities in the 21st century. *Materials and methods.* The study is based on an interdisciplinary approach that combines comparative-historical, discursive, and institutional methods. It draws on official documents of the Chinese Communist Party, speeches by Xi Jinping, regulatory acts of the PRC, as well as academic publications by Russian, Chinese, and English-speaking scholars. *Results.* It is established that in Chinese political doctrine, the collapse of the USSR is interpreted as the result of ideological erosion, political decentralization, and ethnocultural pluralism. In response, China implements a model of "Sinicized" integration that blends party control, ideological mobilization, and legal normalization. Particular attention is given to regions with ethnoreligious specificity, where measures of proactive identity management are applied. *Conclusion.* China builds its national policy as an institutional counterpoint to the late Soviet experience. Despite the current stability of this model, it contains internal tensions related to the restriction of cultural autonomy, which necessitates attention to long-term risks in the context of a transforming global order.

Keywords: China, Soviet Union, national politics, national minorities, ideology, party control, ethno-political stability, Xinjiang

For citation: Buyarov D.V., Uchaikina A.E. Taking into account the experience of the collapse of the USSR in China's national policy in the first quarter of the 21st century (by the example of the XUAR). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):103–113. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-9

Введение

Распад Советского Союза стал одним из ключевых событий XX в., оказав влияние на политическое мышление государств, стремящихся сохранить устойчивость многонационального устройства. В Китае это событие не только получило широкую интерпретацию в официальной и научной риторике, но и стало фундаментальным ориентиром при выстраивании политики в отношении национальных меньшинств. В рамках китайской модели политической устойчивости распад СССР рассматривается как следствие потери идеологического контроля, этнополитической фрагментации и ослабления централизованной власти, что делает его чрезвычайно значимым для анализа трансформации государственной национальной политики в Китайской Народной Республике (КНР).

В условиях этнокультурного разнообразия КНР сосредоточила усилия на формировании устойчивой системы управления национальными регионами, в первую очередь в стратегически чувствительных районах – таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). С середины 2010-х гг. на фоне усиления международного внимания к ситуации в СУАР китайское руководство, ссылаясь в том числе на опыт распада СССР, последовательно внедряет модель «интеграции через идеологию и культурную китаизацию»,

опираясь на централизованный партийный контроль, профилактику сепаратизма и поддержку концепции общенациональной идентичности.

Целью исследования является анализ влияния интерпретации распада Советского Союза на формирование и развитие национальной политики Китая в первой четверти XXI в. Исследование направлено на выявление концептуальных и институциональных элементов, отражающих специфику китайского политического мышления, а также на определение роли идеологического и культурного дискурса в обеспечении этнополитической стабильности.

Материалы и методы

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы политической науки, сравнительной исторической социологии и дискурсивного анализа. Методологические рамки выстраиваются с учетом необходимости выявления как институциональных, так и идеологических механизмов, с помощью которых КНР адаптировала опыт распада СССР в своей национальной политике.

В первую очередь применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить модели управления национальным вопросом в позднесоветский и современный китайский период. Вторым основным инструментом выступает дискурс-анализ, направленный на изучение риторики китайского политического руководства, в частности выступлений Си Цзиньпина, публикаций в средствах массовой информации, а также партийных документов. В качестве дополнительного инструмента используется институциональный анализ, посредством которого выявляются формы формального и неформального регулирования этнической политики: от законодательных механизмов борьбы с экстремизмом в СУАР до практики кадровой ротации и централизации партийного контроля.

Источниковую базу исследования составляют материалы партийных съездов, выступления Си Цзиньпина, аналитические статьи китайских и англоязычных изданий, посвященные урокам распада СССР, а также нормативные акты КНР.

Результаты и обсуждение

Анализ современных китайских политических документов и публичных выступлений высших руководителей Коммунистической партии Китая (КПК) демонстрирует устойчивую тенденцию к институционализации образа Советского Союза как «предупреждающего примера». В китайском дискурсе распад СССР фигурирует не просто как трагический исход, но и как результат системных внутренних ошибок, прежде всего идеологической эрозии, утраты партийного контроля и слабости в национальной политике. В отличие от большинства западных интерпретаций, где причиной дезинтеграции Советского Союза считаются экономическая неэффективность и авторитарная политическая структура, в китайской риторике акцент сделан на распад духовного, ценностного и политико-идейного единства.

В ряде программных речей Председатель КНР Си Цзиньпин последовательно проводит мысль о том, что судьба СССР обусловлена отказом от марксистских ориентиров и деградацией партийной дисциплины. В частности, он прямо заявлял: «Если люди, которых мы воспитываем, перестанут

верить в марксизм, не будут держать высоко знамя социализма с китайской спецификой, – произойдет то же, что и с Советским Союзом» [1]. Этот пассаж, по сути, фиксирует стратегическую установку КПК: сохранение политической и национальной целостности возможно только при условии монополии идеологической власти и сохранения централизованного партийного контроля.

Кроме того, в отчете Си Цзиньпина на XX съезде КПК (2022 г.) отмечается, что одной из важнейших задач современной китайской модели развития является предотвращение любых форм идеологической и этнополитической фрагментации. Подчеркивая опасность «ошибочных тенденций» в управлении многонациональным обществом, он не называет СССР напрямую, однако весь дискурс об «укреплении партийного центра», «глубоко мучительном опыте» и «исторических уроках» апеллирует к распаду Союза как к антиподному сценарию.

Дополнительным подтверждением служит активная эксплуатация темы СССР в китайских медиа и экспертной публицистике. Как отмечает Р. Армитидж, Советский Союз рухнул не из-за социализма, а потому что от него отказался [2]. Этот тезис консолидирует центральную для КПК идею: спасение системы – в ее укреплении, а не в реформировании по западному образцу. Следует отметить и более утонченный уровень восприятия: не только партийная идеология, но и кадровая политика, уровень политической веры и дисциплины рассматриваются как факторы устойчивости. В этом смысле Китай стремится избежать ситуации, в которой элита утрачивает ценностное единство и превращается в разрозненную корпорацию с корпоративными интересами – модель, с китайской точки зрения ставшая фатальной для позднего СССР.

В результате распад СССР в китайском сознании трансформировался из исторического события в ценностно-политическую модель – «антипример», формирующую не только оценку прошлого, но и прямую направленность современного политического курса. Одним из центральных уроков, который, по мнению китайского руководства, следует из опыта распада СССР, стала неприемлемость децентрализации политической власти и прав на самоопределение. В отличие от советской союзной модели, в которой каждая республика обладала формальным правом выхода, КНР с момента своего основания реализует унитарный тип государства с ограниченными формами автономии, лишенными суверенитетного содержания.

Конституция КНР формально признает существование автономных районов (ст. 4) [3], однако полномочия регионов строго ограничены рамками политического курса центрального правительства. Административная автономия носит декларативный характер, а реальное управление осуществляется через вертикаль КПК, интегрированную на всех уровнях. В национальных районах, таких как СУАР, Тибетский автономный район и Гуанси-Чжуанский автономный район, ключевые посты в региональных органах власти традиционно занимают кадры ханьской национальности, направляемые из центра, что резко контрастирует с позднесоветской практикой «коренизации» (или «титульного представительства»). Подобная модель исключает повторение сценариев, аналогичных сепаратистским процессам в союзных республиках СССР, где локальные элиты при ослаблении центра стали самостоятельными политическими субъектами. В Китае региональная элита подчинена не тер-

ритории, а партии, что снижает вероятность формирования политической лояльности, альтернативной пекинской [4, с. 150].

Особое место в китайской национальной политике занимает Синьцзян-Уйгурский автономный район – регион, где сочетаются этноконфессиональная специфика, историческая напряженность и геостратегическое значение. С начала 2010-х гг. национальная политика в СУАР претерпела радикальные трансформации, свидетельствующие о прямом следовании китайского руководства «урокам» распада СССР.

Начиная с периода правления Си Цзиньпина в СУАР реализуется модель, сочетающая превентивный контроль, идеологическую интеграцию и культурную унификацию, направленные на устранение потенциальных угроз сепаратизма [5, р. 144]. Основу этой модели составляют:

- развертывание системы «центров профессионального образования» (фактически – лагерей перевоспитания);
- введение жесткого законодательства по борьбе с экстремизмом и разжиганием национальной розни;
- массовая цифровая слежка и превентивный контроль;
- усиление партийного и полицейского присутствия в сельских и отдаленных районах;
- приоритетное развитие инфраструктуры и занятости с упором на модернизацию без автономии [6].

Хотя СУАР остается ключевым фокусом национальной политики, методы, отработанные в этом регионе, в модифицированном виде транслируются и в другие этнокультурные зоны, в первую очередь в Тибет, Гуанси-Чжуанский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район, Внутреннюю Монголию. Там также реализуются меры по усилению идеологического воспитания, централизации образовательных программ, увеличению числа ханьских переселенцев и минимизации роли местных культурных институтов. Во всех случаях китайская модель выстраивает национальную политику не как систему уступок или баланса, а как механизм мобилизационного контроля, в котором культурное многообразие допускается лишь в «тематизированной», безопасной и управляемой форме. Подобный подход коренным образом отличается от позднесоветской логики, ориентированной на интеграцию через признание идентичности, которая, по мнению китайских стратегов, как раз и привела к краху Советского Союза [7].

В логике китайского партийного мышления этнокультурные различия допустимы лишь в той мере, в какой они совместимы с основополагающей задачей – сохранением «единства многонационального китайского народа» и укреплении централизованной власти Коммунистической партии Китая. Ключевой концепт, формирующий идеологическую оболочку национальной политики, – это «китаизация» (中国化 – «чжунгохуа») или «синизация» всех форм духовной, культурной и даже религиозной жизни нацменьшинств. Этот процесс, по сути, представляет собой унификацию и переработку локальных идентичностей в рамках общенациональной цивилизационной модели, основанной на историко-культурном коде ханьского большинства и доктрине социализма с китайской спецификой.

В выступлениях Си Цзиньпина неоднократно подчеркивается, что Китай – это не просто многонациональное государство, а единая «нация китайского народа» (中华民族共同体 – «чжунхуа миньцзу гунтунти»), в которой все этносы должны разделять единую историческую судьбу, единую культуру и единую политическую волю. Эта установка прослеживается, например, в его докладе, в котором говорится о необходимости «укрепления чувства принадлежности всех этнических групп к единой китайской нации» и «укоренения общей идентичности» [8].

Особое внимание уделяется религиозным институтам, которые в китайской интерпретации обладают политическим потенциалом, сопоставимым с сепаратизмом. Как отмечает А. В. Ломанов, в Синьцзяне, Тибете и других регионах осуществляется масштабная кампания по китаизации ислама, буддизма и даже христианства [9]. Помимо религии подвергается обработке и национальное культурное наследие. В речах Си Цзиньпина прослеживается установка на создание единой культурной платформы, где традиции нацменьшинств интегрируются как элементы общей китайской цивилизации. Так, Председатель КНР подчеркивает, что «нужно укреплять идентичность всех этносов с великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой» [10].

В результате современная национальная политика Китая выстроена как иерархическая модель этноинтеграции, в которой идеология играет не только объясняющую, но и структурирующую роль. Процесс «китаизации» не носит исключительно культурного характера – он встроен в общую систему превентивного управления рисками, направленного на устранение любых форм альтернативной лояльности, в том числе этнической, религиозной или региональной. В этой модели опыт распада СССР вновь служит негативной проекцией: многообразие допустимо лишь в пределах единой идеологической и политической матрицы, контролируемой партией и поддерживаемой централизованным аппаратом.

Политико-правовые меры, применяемые в Китае в сфере национальной политики, демонстрируют целенаправленную институционализацию упреждающего контроля – подхода, ориентированного на предупреждение возможной дестабилизации, а не на реакцию по факту ее возникновения. В этом аспекте КНР вновь опирается на негативный опыт позднего СССР, где избыточная правовая либерализация в 1980-х гг. не сопровождалась укреплением идеологических и политико-административных барьеров, что способствовало активизации сепаратистских и антисистемных настроений в республиках.

Современное китайское руководство, напротив, проводит политику жесткой нормализации, в которой правовая система играет роль инструмента централизованного управления и идеологической коррекции. КНР последовательно расширяет юридический арсенал, направленный на регламентацию этноконфессиональной жизни, включая:

- законодательство о противодействии экстремизму, включая Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о деэкстремизации [11];
- законодательство об автономных районах [12];
- иные положения о «профилактическом образовании» и «перевоспитании», стандарты «национального единства».

Особенно показателен опыт Синьцзяна, где на основе регионального законодательства была создана система центров перевоспитания (в официальной терминологии – «профессионально-технические училища»), в которых осуществляется модификация сознания лиц, чья идентичность интерпретируется как потенциально деструктивная. Такая практика принципиально отличается от либеральных стандартов защиты прав меньшинств, но в рамках китайской модели воспринимается как рациональная мера защиты государства от внутренней фрагментации.

Китайская стратегия активно использует категорию национальной безопасности (国家安全 – «гоцзя аньцюань»), включая в нее не только традиционные угрозы, но и риски культурного, идеологического и религиозного характера. После принятия Закона о национальной безопасности (2015 г.) [13] и создания Центральной комиссии по национальной безопасности под председательством Си Цзиньпина в политическую повестку было включено понятие «безопасности этнической идентичности», в том числе:

- безопасность языка (приоритет китайского в образовании и официальной сфере);
- безопасность культуры (мониторинг медиапродукции и образовательного контента);
- информационная безопасность (цифровая слежка, система «социального доверия») [14].

В этнически разнообразных регионах понятие «безопасность» приобретает проактивный характер: предполагается, что потенциальная угроза должна быть устранена до момента манифестации. Эта концепция противоположна позднесоветскому подходу, в котором многие проявления сепаратизма были признаны слишком поздно, когда они уже вышли за рамки политического управления [15].

Сравнительный анализ национальной политики Советского Союза и Китая демонстрирует фундаментальные различия не только в институциональных подходах, но и в самом понимании природы многонационального государства. Китай, осмысляя опыт СССР, сознательно выстраивает собственную модель как инверсную, отражающую и отрицающую ключевые принципы позднесоветского курса. В отличие от позднесоветской политики «коренизации» и поощрения этнокультурной автономии, Китай выстраивает модель, основанную на концепции единой цивилизационной идентичности. Под лозунгами «национального единства» и «сближения этносов» продвигается модель «одной нации с множественными этнокультурными оттенками», где различие допускается только в пределах центрально утвержденного культурного канона.

Китайская модель отличается высокой степенью мобилизационного характера: партия не просто регулирует этнополитические процессы, но и формирует активную идентичность, направляя население через образовательные, культурные и информационные каналы. В этом смысле КНР не допускает «естественного течения» этнических процессов, как это наблюдалось в СССР, а стремится к профилактическому управлению идентичностью, в том числе через китаизацию религии, языка, истории и массового восприятия.

КНР целенаправленно и последовательно интерпретирует опыт распада СССР как негативный эталон, от которого необходимо отстраиваться

на всех уровнях – от идеологии до правовой архитектуры. Это отталкивание не ограничивается абстрактными уроками, а находит прямое выражение в институциональных решениях, идеологических установках и практической политике в отношении этноконфессиональных меньшинств. С точки зрения политической теории КНР демонстрирует типологически уникальную модель идеократической стабильности, в которой управление многонациональным обществом осуществляется не через предоставление автономий, а через их символическую имитацию и фактическую централизацию.

Китайская модель содержит в себе внутренние парадоксы. С одной стороны, она показывает высокую эффективность в кратко- и среднесрочной перспективе: в отличие от позднего СССР, КНР успешно сдерживает этнополитическую фрагментацию, поддерживает стабильность в периферийных регионах и демонстрирует рост интеграционных индексов. С другой стороны, жесткая централизация и ограничение культурной автономии могут стать фактором накопления латентного недовольства, особенно среди молодежи в национальных автономных районах, что потенциально чревато конфликтами в долгосрочном горизонте. Китаизация как политико-идеологический процесс невозможна без мобилизационного ресурса партии, что делает устойчивость всей конструкции зависимой от эффективности КПК как института. В случае если партия столкнется с кризисом доверия, вся модель рискует вступить в фазу дестабилизации – именно по тому сценарию, которого она старается избежать.

Заключение

Рассмотрение национальной политики Китайской Народной Республики в первой четверти XXI в. в контексте осмысления опыта распада СССР позволяет сделать вывод о существовании целенаправленного и системного подхода китайского руководства к этнополитическому управлению, основанному на отрицании ключевых принципов советской модели. Распад Советского Союза в китайском политическом дискурсе трансформировался в универсальное предостережение, в котором причины дезинтеграции связываются прежде всего с идеологической слабостью, ослаблением партийного контроля и федеративной структурой, допускавшей автономизацию регионов.

На этом фоне КНР сформировала уникальную стратегию, в которой национальный вопрос решается через централизованную интеграцию, китаизацию культуры и унификацию идентичности с сохранением лишь внешней атрибутики многонациональности. Политико-правовой инструментарий, развитый в рамках этой модели, обеспечивает превентивную трансформацию культурных моделей. Китайская модель демонстрирует значительную устойчивость в текущих условиях, однако не лишена внутренних противоречий. Ее эффективность напрямую зависит от стабильности центральной власти, мобилизационного потенциала партии и способности удерживать идеологическую консолидацию в условиях глобальной цифровизации и роста горизонтальных связей. Потенциальные вызовы, связанные с внутренними реакциями на культурную унификацию и внешним давлением в сфере прав человека, могут в будущем потребовать переосмысления механизмов управления этническими идентичностями.

Список литературы

1. 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗—在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 // 中华人民共和国中央人民政府. 2022年10月16日. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 28.03.2025).
2. Armitage R. USSR collapsed 30 years ago. China has studied it – and doesn't want to make the same mistakes // ABC News. 2021. December 26. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-26/ussr-collapsed-30-years-ago-china-tries-to-avoid-same-fate/100705112> (дата обращения: 17.04.2025).
3. 中华人民共和国宪法 // 中国人大网. 2018年3月11日. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/bd78afc9d46f4f129728190ff23e3aaf.shtml> (дата обращения: 17.04.2025).
4. Буяров Д. В. Современные проблемы Синьцзяна в условиях реализации крупных экономических проектов Китая // Азия и Африка сегодня. 2025. № 3. С. 48–57. doi: 10.31857/S0321507525030067
5. Буяров Д. В. Реализация национальной политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе при Председателе КНР Си Цзиньпине (2012–2024 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 5. С. 142–155. doi: 10.31857/S0131281224050104
6. Maizland L. China's repression of the Uighurs in Xinjiang // Council on Foreign Relations. 2022. September 22. URL: <https://www.cfr.org/background/china-xinjiang-uighurs-muslims-repression-genocide-human-rights> (дата обращения: 17.04.2025).
7. 陈宏：学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵 // 湖南省人民政府门户网站. 2017年. URL: <https://interpret.csis.org/translations/studying-and-understanding-the-essentials-and-meaning-of-general-secretary-xi-jinpings-strategy-for-governing-xinjiang/> (дата обращения: 25.09.2024).
8. 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 // 党史学习教育. 2017年10月28日. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (дата обращения: 18.04.2025).
9. Ломанов А. В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 4. С. 88–105. doi: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105
10. 习近平：在中共中央民族工作会议上的讲话 // 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年9月28日–29日. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202401/t20240131_1113631.html (дата обращения: 15.04.2025).
11. 新疆维吾尔自治区去极端化条例 // 新疆人大网. 2017年3月29日. URL: <http://www.xjpcsc.gov.cn/article/ywfgtz/fg/201703/20170300386463.shtml> (дата обращения: 17.04.2025).
12. 中华人民共和国民族区域自治法 // 中国人大网. 2001年2月28日. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2001-02/28/content_1330393.htm (дата обращения: 17.04.2025).
13. 中华人民共和国国家安全法 // 中国人大网. 2015年7月1日. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1945587.htm (дата обращения: 17.04.2025).
14. Li Shenming. The Fundamental Reasons, Lessons, and Insights of the Fall of the Soviet Union's Party and State // Interpret: China, CSIS. 2021. December 23. URL: <https://interpret.csis.org/translations/the-fundamental-reasons-lessons-and-insights-of-the-fall-of-the-soviet-unions-party-and-state/> (дата обращения: 17.04.2025).
15. Глинкин В. С. Чжуаны в контексте национальной политики Китая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. 23 с.

References

1. 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗—在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告. 中华人民共和国中央人民政府. 2022年10月16日. (In China). Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (accessed 28.03.2025).
2. Armitage R. USSR collapsed 30 years ago. China has studied it – and doesn't want to make the same mistakes. *ABC News*. 2021;December 26. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2021-12-26/ussr-collapsed-30-years-ago-china-tries-to-avoid-same-fate/100705112> (accessed 17.04.2025).
3. 中华人民共和国宪法. 中国人大网. (In China). 2018年3月11日. Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/bd78afc9d46f4f129728190ff23e3aaf.shtml> (accessed 17.04.2025).
4. Buyarov D.V. Current problems of Xinjiang in the context of the implementation of major economic projects of China. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*. 2025;(3):48–57. (In Russia). doi: 10.31857/S0321507525030067
5. Buyarov D.V. mplementation of National Policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region under the President Xi Jinping (2012–2024). *Problemy Dal'nego Vostoka = Issues of the Far East*. 2024;(5):142–155. (In Russia). doi: 10.31857/S0131281224050104
6. Maizland L. China's repression of the Uighurs in Xinjiang. *Council on Foreign Relations*. 2022;September 22. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-xinjiang-uyghurs-muslims-repression-genocide-human-rights> (accessed 17.04.2025).
7. 陈宏：学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵. 湖南省人民政府门户网站. 2017年. (In China). Available at: <https://interpret.csis.org/translations/studying-and-understanding-the-essentials-and-meaning-of-general-secretary-xi-jinpings-strategy-for-governing-xinjiang/> (accessed 25.09.2024).
8. 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. 党史学习教育. 2017年10月28日. (In China). Available at: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-06/30/c_1129723161.htm (accessed 18.04.2025).
9. Lomanov A.V. Adaptation and sinicization: The CPC's contemporary religious policy. *Mezhdunarodnaya analitika = International analytics*. 2021;12(4):88–105. (In Russia). doi: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-88-105
10. 习近平：在中共中央民族工作会议上的讲话. 中国人民政治协商会议吉林市委员会. 2014年9月28日–29日. (In China). Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202401/t20240131_1113631.html (accessed 15.04.2025).
11. 新疆维吾尔自治区去极端化条例. 新疆人大网. 2017年3月29日. (In China). Available at: <http://www.xjpcsc.gov.cn/article/ywfgtz/fg/201703/20170300386463.shtml> (accessed 17.04.2025).
12. 中华人民共和国民族区域自治法. 中国人大网. 2001年2月28日. (In China). Available at: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2001-02/28/content_1330393.htm (accessed 17.04.2025).
13. 中华人民共和国国家安全法. 中国人大网. 2015年7月1日. (In China). Available at: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1945587.htm (accessed 17.04.2025).
14. Li Shenming. The Fundamental Reasons, Lessons, and Insights of the Fall of the Soviet Union's Party and State. *Interpret: China, CSIS*. 2021;December 23. Available at: <https://interpret.csis.org/translations/the-fundamental-reasons-lessons-and-insights-of-the-fall-of-the-soviet-unions-party-and-state/> (accessed 17.04.2025).
15. Glinkin V.S. *Zhuang in the context of China's national policy: PhD abstract*. Tomsk, 2019:23.

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Владимирович Бюаров

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей
истории, философии и культурологии,
директор Научно-образовательного
центра востоковедения,
Благовещенский государственный
педагогический университет (Россия,
г. Благовещенск, ул. Ленина, 104)

E-mail: buyarov_d@mail.ru

Dmitry V. Buyarov

Candidate of philosophical sciences,
associate professor, head of the sub-
department of general history, philosophy
and cultural studies, director of the
scientific and educational center
for oriental studies,
Blagoveshchensk State Pedagogical
University (104 Lenina street,
Blagoveshchensk, Russia)

Анастасия Евгеньевна Учайкина

ассистент кафедры всеобщей истории,
философии и культурологии,
Благовещенский государственный
педагогический университет (Россия,
г. Благовещенск, ул. Ленина, 104)

E-mail: uchnast2001@mail.ru

Anastasia E. Uchaikina

Assistant of the sub-department
of general history, philosophy and
cultural studies, Blagoveshchensk State
Pedagogical University (104 Lenina
street, Blagoveshchensk, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.06.2025

Принята к публикации / Accepted 23.08.2025